

4282
V

*Congressus
Quartus Internationalis
Fenno-Ugristarum
Budapest 1975*

Part II

Akadémiai Kiadó. Budapest

CONGRESSUS QUARTUS INTERNATIONALIS FENNO-UGRISTARUM

BUDAPESTINI HABITUS

9.—15. Septembris 1975

REDIGIT

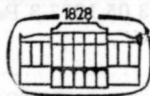
GYULA ORTUTAY

PARS II

ACTA SESSIONUM

CURAVIT

JÁNOS GULYA

AKADÉMIAI KIADÓ, BUDAPEST 1980

LE ROLE DU FOLKLORE DANS LES LITTÉRATURES DES PEUPLES FINNO-OUGRIENS

Das Grundreferat wurde von JEAN-LUC MOREAU (Paris) gehalten. Der Text des Referats ist in CQuIFU Pars I, S. 231—242 zu finden.

ЭЙНО КАРХУ (Петрозаводск)

ФОЛЬКЛОР И ФИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVI—XX ВВ.

С точки зрения истории литературы, представляется весьма важным осмыслить литературно-фольклорные связи исторически, в их исторической обусловленности, с учетом их специфики на различных этапах литературного развития.

О том, что такая исторически обусловленная специфика литературно-фольклорных связей существует, свидетельствуют многие факты из истории разных литератур. В частности, факты т. н. младописьменных литератур народов СССР, включая литературы некоторых финно-угорских народов. Очевидно, что младописьменные литературы соотносятся с национальной фольклорной традицией иначе, чем литературы более зрелые, имеющие более длительную историю развития. К этому можно добавить, что в процессе развития молодых литератур их связи с фольклором тоже постепенно изменяются, они не есть нечто постоянное.

Отсюда перед наукой возникает проблема изучения исторической типологии литературно-фольклорных связей, проблема выявления их исторических моделей, которые заключали бы наиболее характерное в этих связях применительно к отдельным литературным периодам и направлениям.

Дальнейшие мои соображения касаются истории финской литературы XVI—XX вв. По необходимости в очень краткой форме я попытаюсь очертить некоторые исторически обусловленные особенности отношения финской литературы к фольклору в указанных хронологических пределах.

1. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что с момента появления у народа письменной литературы ее отношение к фольклорной традиции отличается двоякостью, своего рода диалектической амбивалентностью. Между литературой и фольклором действуют двоякие тенденции: как притяжения, так и отталкивания.

С одной стороны, если литература у народа возникает на базе народного языка, она не может изолировать себя от всего того, что на этом языке существует, в том числе от фольклорной традиции, и постепенно вовлекает в

свою сферу (часто бессознательно) выработанные этой традицией ценности.

Но, с другой стороны, зарождение у народа литературы и литературного языка есть в некотором смысле начало отрицания устно-поэтической традиции. Поскольку литература зарождается вследствие исторически назревшей потребности выразить новый по сравнению с фольклором тип образного мышления, постольку литература заключает в себе тенденцию к историческому преодолению традиционного фольклорного сознания.

В истории финской литературы момент ее отталкивания от фольклора обострялся еще и тем, что финская литература возникла и долгое время оставалась преимущественно церковной по содержанию. Ранняя финская литература, утверждая христианское сознание, отрицала фольклор за «язычество». Для М. Агриколы в середине XVI в. имена карело-финских фольклорно-эпических героев были одновременно именами языческих божеств, влияние которых он в качестве епископа стремился искоренить в народе. К фольклорно-эпическим рунам в художественном отношении Агрикола был еще безразличен, они не оставили на его книгах заметного следа.

Но тот же Агрикола, опираясь на народный язык, обнаруживал целенаправленный интерес к народным пословицам, ничего специфически языческого в них он не усматривал (тут перед его глазами был пример библии, литературный опыт Лютера и других церковных авторов).

Постепенно осознавалась эстетическая ценность фольклора. Косвенно эта тенденция наблюдается уже у Якко Суомалайнена в его предисловии к книге духовных песен (1583 г.). Считая народные песни «безбожными» и враждебными церкви, он в то же время говорил о необычайной их складности и запоминаемости; в этом отношении авторам церковных песнопений предстояло, по словам Суомалайнена, трудное состязание с языческими рунами.

Примерно со второй половины XVII в. использование фольклорного опыта становится в финской литературе более или менее осознанной тенденцией. На фоне поверхностных подражаний фольклорной поэтике особо выделяется мессиада Матиаса Саламниуса «Радостная песнь об Иисусе» (1690), в которой библейский сюжет эстетически подчинен фольклорно-эпическому стилю повествования.

2. В качестве второго типа отношения литературы к фольклору можно выделить просветительно-рационалистический. В истории финской литературы это конец XVIII — начало XIX вв. В рамках просветительского мировоззрения зарождается научно-филологический интерес к фольклору и национальному прошлому (Х. Г. Портан). В книжную поэзию из фольклора входят некоторые формальные приемы, начинают упоминаться имена фольклорных героев и т. д. В связи с этим иногда говорят о предромантическом течении внутри просветительства. Однако по-настоящему фольклор был открыт для литературы не просветителями.

В просветительском мировоззрении преимущественный акцент был не на национально-своеобразном и исторически неповторимом, а на вечно-разумном и всечеловеческом. Нормативности классицистической эстетики и просветительскому рационализму плохо открывалась поэтичность фольклора, своеобразии народно-мифологической образности, ее художественная и историческая самобытность. Даже в начале XIX в. писатели просветительс-

кого направления (Я. Ютейни, К. А. Готлунд) склонны были искать и ценить в фольклоре прежде всего рационально-дидактическое начало. Эпоха древней поэзии представлялась им неким идеальным веком просвещения, когда люди еще безраздельно внимали разуму, который затем утратил почему-то свою власть, уступив место невежеству и предрассудкам. С этой точки зрения Готлунд считал наиболее древним видом дошедшей до нас народной мудрости пословицы (как наиболее дидактико-рационалистический жанр), тогда как мифологические и заклинательные руны казались ему более поздними по происхождению. Он же в своей стихотворной книге «Рунола» попытался «дополнить» и «доразвить» национально-фольклорную мифологию по античному образцу, по неким «идеальным» нормам.

С другой стороны, писатели просветительского направления были внимательны к социально-критическим мотивам в фольклоре, используя их в борьбе против сословно-феодалной идеологии.

3. Далее можно говорить о национально-романтическом этапе освоения фольклора финской литературой (примерно 1810—1870-е гг.). Романтиками была решительно выдвинута идея о принципиальной важности фольклора в создании самобытной национальной литературы. Фольклор становится объектом небывалого прежде внимания и романтического преклонения. Наблюдается тенденция идеализации фольклора в консервативно-патриархальном духе, но вместе с тем развивается исторический взгляд на народную поэзию. Передовые романтики были одновременно национальными «будителями», они стремились увидеть национальную жизнь в развитии, в исторической протяженности. У финнов не было письменной национальной истории, и для романтиков фольклор был поэтической историей народа, выражением древнего народного сознания. С этой точки зрения можно взглянуть и на «Калевалу» Лённрота в качестве литературно-фольклорного памятника. Объединив отдельно существовавшие в народной традиции руны в единый эпический свод с непрерывным событийно-сюжетным действием, «Калевала» отражала насущную потребность молодой финской нации осмыслить собственное свое бытие, в его непрерывности и последовательности, начиная с самых древних времен. Молодая нация нуждалась в «упорядочении» своей истории, в том, чтобы выстроить в целостный ряд все известное о себе, и ответом на эту потребность явилось упорядоченное поэтическое предание. В этом смысле «Калевала» есть не только книга древнего фольклора, но и литературное произведение первой половины XIX века.

4. Выработывавшееся романтиками историческое отношение к фольклору обрело новое эстетическое качество в творчестве А. Киви (1860-е гг.), стоящем на грани романтизма и реализма. Качество это можно назвать художественным историзмом, который проявился ярче всего в романе Киви «Семеро братьев». В нем Киви еще достаточно близок к романтизму, чтобы интересоваться непосредственно фольклорными сюжетами, сказками, преданиями, но подходит он к ним уже во многом с позиций эстетики реализма. В его романе близкие к фольклору предания и легенды подвергаются в ходе повествования как бы многократному прочтению с разных углов зрения: и возвышенно-романтического и сниженно-комического. В произведении Киви фольклор с большой эстетической свободой вписывается в современ-

ное сознание и в мир романного эпоса, где господствуют уже качественно иные пространственно-временные категории, чем в фольклорном эпосе.

Уже в лённротовской «Калевале» мифологическое время фольклорного эпоса стало соприкасаться в какой-то мере с *историческим* временем, особенно благодаря тому, что Лённрот ввел в эпос фигуру повествователя, который, повествуя о древних эпических событиях, постоянно обращается к современным поколениям. Иными словами, время в лённротовской «Калевале» начинает приобретать *векторность*; оно уже не циклично, как в фольклорном эпосе, а *направленно*: для лённротовского повествователя фольклорно-мифологическое прошлое было неким началом, за которым последовали уже исторические события, историческое время, длящееся до наших дней.

В романе Киви герои, предаваясь легендам и преданиям, уже всецело живут в историческом времени, для которого характерна *открытость*: у него нет ни начала, ни конца, и это определяет тональность повествования. Историческое время как бы контролирует поступки и мечты героев, постоянно ставит их в комические ситуации и через это заставляет их признать необратимость времени, невозможность вернуться к архаическим формам жизни. Художественный историзм Киви, в том числе по отношению к фольклору, был огромным завоеванием финской литературы.

5. В отличие от романтиков и затем Киви, критические реалисты конца XIX — начала XX вв. почти не обращались к разработке непосредственно фольклорных сюжетов. Критический реализм включал в себя определенную полемику с романтическим фольклоризмом. Если романтикам была присуща поэтизация фольклора и поэтизация народной среды как носителя фольклорной традиции, то в критическом реализме, напротив, была тенденция к депоэтизации патриархально-крестьянского быта, отчасти и фольклорной архаики. Связь критического реализма с фольклором нередко полемически опосредована, либо по-своему избирательна: внимание направлено не столько к героическим, сколько к сатирическим фольклорным жанрам (напр., влияние народных анекдотов о дураках на творчество М. Лассила).

6. Определенные контакты с фольклором наблюдаются в современной финской литературе. Напр., в противовес крайней усложненности метафорического языка ряда современных финских поэтов наблюдается стремление вернуться к относительно простой образности и опереться при этом на народно-песенную традицию.

7. В заключение уместно подчеркнуть, что историко-типологическое изучение литературно-фольклорных связей перспективно также при одновременном сопоставлении нескольких национальных литератур. Наряду с национально-особенным в каждой литературе возможно выявление общих черт, что поможет глубже уяснить закономерности мирового литературного процесса.

ANTAL SIVIRSKY (Den Haag)

Quant à la littérature il nous faut partir d'hypothèses. La littérature hongroise, comme J. HORVÁTH, R. GERÉZDY et d'autres nous l'ont appris, et cela vient d'être confirmé par J.-L. MOREAU, est d'origine latine. L'oppression